

Шандор Гебеи

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТРАНСИЛЬВАНСКИМ КНЯЖЕСТВОМ И ЗАПОРОЖСКИМ ВОЙСКОМ В 1648 ГОДУ

В своей небольшой статье нам хотелось бы обратить внимание на ту роль, которую играло Трансильванское княжество в сложной международной ситуации середины XVII в., по той причине, что упомянутая проблематика как в польской, так и русской и украинской историографиях была затронута лишь частично. Трансильванское княжество, по сути дела, лишь дважды, в 1648 и 1657 гг., получило возможность более рельефно выявить себя на международной арене, пытаясь получить (завоевать) польскую корону. В эти годы трансильванские князья установили весьма тесные дипломатические связи с Запорожским Войском.

Одной из краеугольных основ много раз упоминаемой свободы Речи Посполитой выступало свободное избрание короля, ставшее летом 1648 года настолько же актуальным, как и нормализация отношений с Украиной. На трон правившего 16 лет и умершего в возрасте 56 лет Владислава IV (1632–1648), который носил титул польско-шведского короля, 10 мая претендовали два его брата: Ян Казимир и Карл Фердинанд. Были шансы и у Филиппа Вильгельма, нойбургского герцога, мужа дочери Сигизмунда III, и «Леопольда из австрийского дома». В мемуарах советника трансильванского князя Яноша Кеменя (János Kemény) в качестве претендентов на престол фигурируют также «сам римский император», «московский царь, шведский король», «бранденбуржец», и «уговаривают также и нашего князя» Дёрдя I Ракоци (György I. Rákóczi)¹. Во главе сторонников Ракоци в Польше стоял князь Януш Радзивилл, который объединял диссидентов (лютеран, уни-тариив). Эту кандидатуру поддерживало и много представителей «греческой веры»². Янош Кемень причислял к непосредственным сторонникам даже само козачество, поскольку «оно к Радзивиллу

было весьма склонно»³. Связанные с польским королевством устремления и представления трансильванского князя Дёрдя I Ракоци освещены венгерским историком Имре Лукиничем (Imre Lukinich) в его прекрасно написанной и изданной в начале XX века монографии, однако из-за недостаточного количества данных он не увязал эти планы с изменениями, происшедшими на Украине⁴.

Мысль о польской короне со времен Стефана Батория, польского короля из Трансильвании, не была новым явлением в трансильванской политике, но шаги, предпринятые в середине XVII в. для достижения этого, — по сравнению с более ранними — были абсолютно новыми и непривычными. Мы можем быть уверены, что настоящая роль Радзивилла и диссидентов в католическом государстве не вводила в заблуждение трансильванских политиков, но они не могли отказаться от этих связей, ведь именно посредством их они могли выйти на козачество, которое играло ключевую роль в антитурецких планах покойного польского короля Владислава IV, то есть, установить контакты с тем Запорожским Войском, которое в 1648 г. причинило чувствительные потери Речи Посполитой.

Однако вести из Приднепровья основательно перемешали заботливо выстроенные политические комбинации — ведь Запорожское Войско вступило в союз с будущим врагом, с татарами. С какой целью? Встал вопрос: не помешает ли козацко-татарское сотрудничество антитурецкой войне? Подготовка Трансильвании к войне была напрасна? Можно ли воспользоваться военными успехами козачества в борьбе за польский трон?

Князь Дёрдь I Ракоци для того, чтобы получить успокаивающие ответы на волнующие его и влияющие на направление политики Трансильвании вопросы, 3 июня 1648 года отправил из Мукачево к козакам человека по имени Пал Бенчер (Pál Bencser Pál Bender) по направлению Сколе — Стрий — Днестр — Бар, «во владения гетмана». Согласно его указанию, надо было прозондировать суть козацко-татарских отношений: «есть ли корреспонденция с колчанниками» у Войска, на каких условиях было соглашение, закреплено ли оно письменно? Интересно отметить, что князь назвал два таких лица, которые могут способствовать успе-

ху посольства. Один из них — служащий у гетмана «знакомый по имени Дёрдь Рац» (Gyorgy Rácz), который «был пленен колчанниками» и оттуда попал к козакам, а другой — «вице-лейтенант по имени капитан Дюрица» (Gyuricza), много раз бывавший в Крыму⁵.

К сожалению, из-за отсутствия данных мы не можем говорить здесь о подробностях известных нам самых ранних козацко-трансильванских отношений. Однако мы знаем, что дюлафехерварский (Gyulaféhevár = Алба Юлия) двор серьезно приступил к углублению начатых отношений. Сын старого князя, молодой Дёрдь II Ракоци в сентябре 1648 года отправил своего посла Миклоша Шебеша (Miklós Sebesi) через Молдавию к козакам. Исходя из вынужденности избрания этого маршрута, молдавского воеводу Василия Лупула в некоторой степени также посвятили в планы Трансильвании. Юный Ракоци обратился к воеводе с просьбой «дать своего человека нашему человеку, чтобы наш человек весьма в большой тайне тоже пошел в лагерь козаков, туда, где находится их главный гетман», чтобы они принесли точные известия в Трансильванию и Молдавию. Князю необходимо вступить в отношения с козацким гетманом, подчеркивал наследник княжеского престола, потому что «обиженные как во внешних свободах, так и в вере (польские. — *Авт.*) сословия» обратились за помощью к Трансильвании, а также и потому, чтобы козацкий гетман согласился с «непапистскими» сословиями и совместными усилиями восстановил «попранные свободы». Возможность для объединения сил есть, ведь «действуют они из одинаковых побуждений», — делает вывод об общности религиозных интересов диссидентов (Радзивилл) и козаков молодой Дёрдь Ракоци⁶.

Мысль о том, чтобы собрать диссидентов и козаков в одном лагере и с их помощью младшего сына князя, Жигмонда Ракоци (Zsigmond Rákóczi), посадить на польский трон, казалась в окружении князя реальной. А привлечение на свою сторону Молдавии представлялось возможным из-за родственных отношений Лупула и Радзивилла (тесть-зять).

Миклошу Шебешу необходимо было уверить Хмельницкого в том, что князь Трансильвании — «подлинный доброжелатель» козачества и охотно примет послов Хмельницкого при сво-

ем дворе. В подтверждение этого намерения послу следовало рассказать о страшной клятве папистов: «...они с корнями стремятся вырвать их (козаков)», так как ксендзы все равно дадут им отпущение всех грехов. Поэтому надо быть с некаатоликами, ведь они не являются врагами козакам. И наконец, «им не во вред, а на пользу» трансильванский князь хотел бы знать и то, с каким ответом козаки отправили назад послов Речи Посполитой «и какие обязательства есть с татарами»? Останутся ли татары с козаками, несмотря на запрещающий приказ Порты⁷?

Линию Радзивилла, тогда еще наиболее важную, держал под своим контролем сам князь. Поручение, данное послу Палу Гёчу (Pál Göcs), предписывало тому посетить литовского князя и кальвиниста Ежи Немирича и, в зависимости от условий, встретиться с Адамом Киселем и гетманом козаков. Суть посольства Дёрдя I Ракоци в Литву можно сконцентрировать в двух пунктах:

1. князь должен «в дальнейшем способствовать», то есть, и в дальнейшем поддерживать претензии Жигмонда Ракоци на польский трон и действовать в интересах этого;

2. князь обещал послать деньги для вербовки войска, чтобы партия Ракоци в случае необходимости могла выставить определенную силу. Немирича просили о посредничестве, и через него обещали Киселю «порядочные» подарки. Материальное обеспечение поддержки козаков брал на себя также «Старый» князь⁸ (трансильванское письмо, адресованное козакам, по всей вероятности, прибыло в лагерь Хмельницкого после продолжавшегося неделю сражения под Пилявцами⁹).

Огромное сражение, состоявшееся между рекой Пилявка и Старым Константиновым 13 (23) сентября 1648 года (100 тысяч козаков, татар и приблизительно столько же поляков), закончилось постыдным поражением Речи Посполитой. Один из поляков — участников сражения причиной поражения считал исключительно трусливое, предательское поведение великого гетмана Заславского, который, бросив войска, первым бежал с поля боя¹⁰. Заславский, стремясь оправдать себя и переложить ответственность на других, защищался в сенате следующим образом: «...нас постыдно подвело проклятое тщеславие, так как каждый солдат

хотел быть ротмистром, ротмистр — полковником, а полковник — гетманом»¹¹. Козаки захватили 100 тысяч телег с продовольствием, порохом, аммуницией и господским имуществом, далее 80 пушек, множество ружей и холодного оружия. Даже гетманская булава стала военным трофеем. Польские потери составили более 7 миллионов, подвел итоги рядовой солдат, но позор — тысяча миллионов, ведь под хорошим командованием могла бы родиться счастливая победа¹².

Первые 9 месяцев 1648 года привели к огромным изменениям в жизни Украины. Потребовалось всего три четверти года, чтобы столетняя связь Польши и Украины прервалась. Козачество, до 1648 года ведущее смертельную борьбу за существование то против польских феодалов, то против грабительских набегов татар, в трех значительных сражениях уничтожило военную силу Речи Посполитой, сконцентрированную на украинских рубежах. Одной из причин этих успехов, несомненно, был козацко-татарский союз, однако массовое оказывание и присоединение к козацкому войску населения Белоруссии, Волыни, Подолии также угрожало находящейся по-прежнему в состоянии интеррегнума (без короля) Речи Посполитой.

Хмельницкий максимально использовал выгоды побед, расширил дипломатическое поле деятельности. Его послы побывали в Константинополе и в Яссах. Он усилил союз Крым — Запорожское Войско военной мощью Порты, обещав султану за помощь значительные территории Польского Королевства «от Дуная до Люблина». По его представлению, «Украина будет сама Речью Посполитой»¹³.

В Молдавии воевода Лупул с большим почетом принял послов Хмельницкого и дал слово выполнить требования гетмана. Он обещал, что Молдавия — по примеру России — не будет предоставлять убежища бегущей с Украины шляхте¹⁴. Лавирующий до сих пор между поляками и турками молдавский воевода, чтобы исправить щекотливое положение, пригласил к себе влиятельного господина советника Яноша Кеменя для доверительной беседы и предложил свои услуги Трансильвании: «...он (Лупул. — *Авт.*) тоже готов кооперировать в продвижении дел как через своих

знатных польских доброжелателей и разными другими путями, только князь тоже должен относиться к нему с доверием и поддерживать с ним корреспонденцию и т. д.»¹⁵. Предложение и уступчивость Лупула мотивировали коренное изменение внутривнутриполитической жизни Речи Посполитой. Уничтожение польских армий на Украине реально приблизило возможность того, что трансильванский князь, или кто-нибудь из его сыновей может получить польский трон. О тактическом чувстве Лупула говорит то, что в ходе переговоров с Кеменем он согласился на свободный проход трансильванских войск через Молдавию в Польшу. Он даже не отклонил мысль о вербовке молдавских наемников. В поддержку польского похода воевода обещал Трансильвании кредит в 100 тысяч золотых, а также и то, что он применит все свое влияние на Порту для продвижения трансильванского дела. Для подкрепления ориентации на Ракоци предлагалась брачная перспектива: «...было бы весьма к случаю Жигмонду Ракоци жениться на младшей дочери воеводы»¹⁶.

Признаком большого согласия и зрелищного сотрудничества было и то, что Янош Кемень именно отсюда отправил в путь «знающего, видящего и слышавшего придворного воина и благородного человека» Гергея Мошу (Gergely Mósa) и Дёрдя Раца (György Rácz), «который языки знает и греческой веры», с письмом от воеводы и со своим письмом к Хмельницкому¹⁷. Несмотря на то, что содержание писем нам неизвестно, его можно реконструировать на основе последующих событий. Дёрдь I Ракоци просил гетмана поддержать избрание его сына Жигмонда польским королем и предлагал ему военное сотрудничество против Польши¹⁸. Украинский историк Мирон Кордуба упоминает и предложение о захвате Кракова, так как князь, утверждает он, хотел овладеть хранящейся в древней польской столице короной¹⁹.

Моша и Рач встретились с Хмельницким в лагере козаков под Львовом, куда те продвинулись за это время. Хмельницкий вовсе не спешил отпускать трансильванских посланцев. После двадцатидневного штурма, получив контрибуцию в 100 тысяч золотых и на 500 тысяч золотых сукна, Хмельницкий прекратил атаки против этого торгового города²⁰. Он выступил с войском под распо-

ложенное на польской границе Замостье, куда увез с собой и трансильванских послов.

Трудно объяснить (точнее, может быть много объяснений) прибытие Хмельницкого на польско-украинскую границу. Одно из возможных объяснений можем цитировать из программы гетмана, обрисованной Киселем: «Мне удалось добиться того, о чем я даже и не думал, позже я покажу, что я придумал. Я освобожу весь русский (понимай: украинский. — *Авт.*) народ из польского рабства. Сначала я сражался только за свои обиды, теперь буду бороться за нашу православную веру. Вся чернь, до Люблина и Кракова поможет мне в этом, и я не откажусь от крестьянства, ведь оно наша правая рука. За границу с войной не пойду (выделено мной. — *Авт.*), саблю на турок и татар не подниму. Нам достаточно добра на Украине, Подолии, Вольни, в нашем княжестве, протянувшемся до Львова, Галича, Хельма»²¹.

По сути дела, прибытие под Замостье означало освобождение украинского народа, расширение западных и северо-западных границ Украины, функционирование общественного союза козаков и крестьян, обеспечение турецко-татарского политического фона. Но как быть дальше? Ответ Хмельницкого следует расценивать как стремление вынудить под давлением силы польского короля на соглашение, и совсем не как территориальное отделение от Польши, не ориентацию на самостоятельное суверенное государство, как считал и крупный венгерский историк Шандор Силади (Sándor Szilágyi) в своей имеющей большое значение работе, опубликованной в 1890–1891 годах²². Подчеркиваем, соглашение с королем, а не с панами и шляхтичами.

Несомненно, гетман-победитель всё же чувствовал себя подданным, но равным со всеми королевскими подданными. В конце 1648-го года его целью была централизованная монархия, свободная от дворянского влияния. Хмельницкий полагал, что сильный государь будет способен возместить обиды, нанесенные ранее козакам и крестьянам, обеспечить полученные ранее привилегии. После смерти Владислава IV не было короля, не было к кому обратиться, не было с кем вести переговоры по существу! Скоро выяснилось, что Речь Посполитая послала к Хмельницкому

Киселя затем, чтобы он за время переговоров мог собрать необходимые войска для уничтожения «кровавой радуги». Польское дворянство как политический фактор после Пилявского сражения окончательно потеряло доверие у Хмельницкого, с избранием короля нельзя было затягивать.

Гетман узнал о королевских намерениях Ракоци уже в сентябре от Немирича, человека Радзивилла. Эта же комбинация под Львовом снова вышла на передний план. Хмельницкий не испытывал антипатии по отношению к трансильванцам, но для него не было желательным участие литовского князя в формирующихся отношениях между ним и Ракоци. Совместное выступление против католицизма не являлось такой сплачивающей силой, как союз козаков и крестьян, их взаимная зависимость в антифеодальной борьбе (имения Радзивилла тоже не избежали опустошения белорусскими крестьянами-повстанцами и разграбления со стороны пришедших на помощь крестьянам козаков). Поэтому предложение Ракоци принималось с осторожностью, и, может быть, поэтому своим походом к Замостью Хмельницкий хотел поторопить с принятием решения открывшийся 24 октября сейм, призванный выбрать короля, — на нем появились и козацкие депутаты. В историографии распространено мнение, что Хмельницкий вообще не думал о короле иностранного происхождения. Он поставил на весы избрание младших братьев Владислава IV и был сторонником избрания Яна Казимира. Карл Фердинанд был всем известен как «фанатичный католик, заклятый враг всякой другой веры», к тому же его поддерживала группа Вишневецкого — Конецпольского, что заранее определило поведение Хмельницкого. Но на поведение гетмана могло повлиять и письмо, которое написал ему Ян Казимир, еще будучи наследником престола, и в котором утверждал: «...если я стану королем, я усмирю войну, не стану мстить Запорожскому Войску и тебе, ваши привилегии обеспечу лучше, чем было до сих пор»²³.

На всякий случай вождь козаков в письме, адресованном сенаторам, заявил, что если Яна Казимира выберут королем, тогда он подчинится, «но если выберут кого-нибудь другого, тогда он, Богдан, с Запорожским Войском и татарами начнет против них боль-

шую войну»²⁴. Помимо открытой угрозы сенаторы могли ознакомиться и с другими требованиями козаков: всеобщая амнистия, 12-тысячное Запорожское Войско, зависящее только от короля, но не от Речи Посполитой, свобода вероисповедания, за исключением униатской (греко-католической) веры, восстановление козацких свобод.

Сенат был и удовлетворен и нет. Он согласился на амнистию, на 15-тысячное (а не 12-тысячное) козацкое войско, на свободу православия, однако весьма решительно потребовал разрыва союза с татарами, отделения козаков от крепостных, возвращения крестьян к помещикам. Прежде чем эти споры на переговорах обострились, 7 (17) ноября 1648 года²⁵ Яна Казимира избрали королем.

Дню избрания короля следует уделить серьезное внимание, так как даты 7, 17 ноября по Юлианскому или Григорианскому календарю могут дать повод для ошибки. Повторяющаяся в выделенных частях дата 7 (17) ноября на самом деле — время избрания короля, а дата письма Хмельницкого из Замостья к Ракоци — 17 (27) ноября. В письме от 17 (27) ноября Хмельницкий положительно реагировал на предложение Трансильвании, даже упомянул Стефана Батория, который пожаловал «*multa privilegia et libertates*» Запорожскому Войску. Козаки «всем сердцем и душой» поддерживают «*Illustrissimam Celsitudinem*», признают Яна Казимира польским королём, «*patronum et regem Poloniae patriae nostrae supremus*», — писал гетман и одновременно просил, чтобы из Трансильвании как можно быстрее отправили бы войска в Польшу, куда он сразу же пошлет и свои (*militibus suis quam citissime aggredi iubeat Poloniam, nos quoque cuncti cum toto exercitu nostro*)²⁶.

Сопоставив содержание письма с деятельностью гетмана в интересах Яна Казимира, мы найдем поразительное противоречие. Хмельницкий торопил избрание на королевский трон Яна Казимира, оказывал давление на сенат, и в то же время питал надежды трансильванцев. Почему и с какой целью?

Нам кажется, что это можно расценивать как дипломатическое предвидение талантливой политика. Хмельницкий основательно обдумал по крайней мере три блока проблем:

1. Несмотря на избрание на королевский престол Яна Казимира, борьба за власть между королем и всесильными господами Речи Посполитой не прекратилась. Правда, Пилявцы означали временное поражение военной фракции, но было бы наивно предполагать, что Вишневецкий, Конецпольский, Заславский и др., а также украинская шляхта примирились с потерей своих богатых имений. По сути дела причина войны сохранилась, затишье, сложение оружия было только временным явлением, прикрывающим подготовку к новой войне.

2. Так как Ян Казимир с 7 (17) ноября стал избранным, но не коронованным королем Речи Посполитой, наступил своеобразный период между *interregnum* и *regnum*, который и дальше поддерживал в Хмельницком чувство неопределенности. Пушки пока молчали, однако никакого перемирия не было подписано, готовность к войне была постоянной.

3. Относительно смены войны миром у козаков и поляков были принципиально разные позиции. Если поляки упорно придерживались восстановления положения до 1648 года путем уважения козацких вольностей и православной веры, то казаки требовали увеличения своей численности, расширения своей автономии. Конфликтность этих противоположных принципов раньше или позже должна была привести к войне.

Можно видеть, что закрытие любой из вышеупомянутых проблем подводило фактического государя Украины к неизбежности войны. Таким образом, обстоятельства закономерно инспирировали единственную возможность решения проблемы, — установление контактов с соседями Речи Посполитой.

В перспективе Запорожское Войско рассчитывать на татар не могло, поскольку, с одной стороны, договоры между христианами и неверными в любое время могли быть разорваны, а с другой — потому, что татары были заинтересованы только в получении добычи, а не в успехе политических замыслов.

Хмельницкий не мог заручиться поддержкой России как дипломатического союзника, потому что московское правительство не могло рисковать «вечным миром» с Польшей, действующим с 1634 года. О том, что Россия симпатизировала борьбе «пра-

вославных», среди прочего подтверждает и то, что царский указ запрещал воеводам приграничных Путивля и Хотмыжска принимать беглых шляхтичей. Российская сторона закрывала глаза на бегство к козакам «русских», поставляла на Украину продовольствие и аммуницию²⁷. Официальный «доброжелательный нейтралитет» фактически поддерживал антипольскую войну.

Конкретные предложения Трансильванского княжества дипломатически изолированная Украина не могла оставить без внимания. За обещающее взаимодействие предложение Трансильвании Хмельницкий должен был ухватиться даже ценой того, что выборы короля уже прошли. Трансильванское княжество казалось подходящим и для союза, могущего заменить вынужденное сотрудничество с татарами. Несмотря на то, что Хмельницкий не был знаком с дипломатической сферой деятельности князя, стремящегося наладить систематические отношения, он охотно шел навстречу обещающему быть плодотворным трансильванскому предложению. Из обострения отношений между Речью Посполитой и Трансильванией Украина могла извлечь только выгоды.

Например, краковский воевода, узнав о первом обмене послами между Трансильванией и козаками, сразу ударил в набат. В письме от 13 декабря 1648 года он сообщил канцлеру Оссолинскому о том, что «Ракоци питает большие надежды по отношению к Хмельницкому» и обещает ему коронное гетманство. По всей Трансильвании идет вербовка наемников, армии князя находятся в боевой готовности. «Стране угрожают времена “безбожника Габора Бетлена”» (Gábor Bethlen, трансильванский князь 1613–1629), такие времена, когда «Бетлен в наших краях» был господин. Краковскому магнату было известно и то, что возвращающихся от Хмельницкого Мошу и Раца «3 тысячи козаков проводили до самого Мукачева»²⁸.

Без преувеличения и слухов, является фактом то, что доверенные люди Хмельницкого встретились с новым князем Дёрдем II Ракоци. Со стороны козаков во главе посольства стоял попавший в плен в сражении под Желтыми Водами шляхтич — «нотариус войска, кто после гетмана по авторитету и по всему первый — Иоханнес Выговский»²⁹. Посвященный в государственные дела Янош

Кемень пишет о том, что Выговский вместе с товарищем «уговаривали на королевство князя или его младшего брата, поскольку отец уже был мертв», и вели долгие переговоры о способе осуществления этого плана³⁰. Снова появилась утраченная было надежда получить польскую корону.

Время терять было нельзя. Новый князь Дёрдь II Ракоци развернул деятельность, направленную на претворение отцовского наследства в жизнь, на приобретение польской короны. Его снабженный подробной программой делегат уже в январе 1649 года произнес речь в канцелярии переяславских козаков об устремлениях Трансильвании.

Условием для углубления переговоров являлось то, что Хмельницкий, несмотря на происшедшие изменения — (избрание Яна Казимира польским королем), не откажется от своих обещаний конца ноября — начала декабря, то есть останется сторонником польского королевства для Ракоци. Убедившись в неизменности намерений гетмана, трансильванский посол торопил отправление в Трансильванию такого уполномоченного козака, верительные письма которого были бы составлены на имена нового князя Дёрдя II Ракоци и младшего брата князя Жигмонда Ракоци, и который с полной ответственностью мог бы вести переговоры обо всех подробностях. Жигмонда Ракоци во главе козачества можно представить только тогда, подчеркивал дипломат Ракоци, если руководители Запорожского Войска присягнут ему на верность и послушание как «по свободной воле избранному законному королю». Им надо было признать, что они будут сражаться за успех, «пока голова на плечах», и что безоговорочно примут все пункты заключенного в будущем мира. Козацкое войско должно без промедления вторгнуться в Польшу, помешать коронации, взять Краков в кольцо, чтобы «не увезли корону» («az hetmán ökegyelme... impediálja az coronatit, Krakkót lenta obsidioval bátor csak körül vevén és az passusokat obtinealván, koronát el ne vihessék; mert az koronázat igen fogja nehezíteni az dolgokat»)³¹. На этом требования Трансильвании не заканчивались, от козаков ожидали военного обеспечения «горных перевалов в Карпатах», ануллирования избрания Яна Казимира королем. Юридической основой

этого, по мнению трансильванцев, являлось то, что условия свободного избрания короля были не соблюдены, «во время нахождения государства под ружьем» не могло быть свободной борьбы за трон, к тому же налицо был *tertius competitor* (третий кандидат на престол).

Если «это по господнему благославлению будет, мы тоже будем в готовности, сразу же отправим нашего господина младшего брата по желанию их превосходительств», — заявил старший из братьев Ракоци³².

Братья Ракоци хотели от Хмельницкого нереально много, по сути дела, они пытались осуществление всего предприятия взвалить на плечи Хмельницкого. Штурм Кракова, предотвращение коронации, аннулирование выборов как условие будущего королевства Жигмонда Ракоци — все это превышало силы козачества, каких бы в европейских масштабах успехов оно не достигло. Тем не менее, дипломатические сношения не прервались³³.

¹Kemény János művei (A szöveggondozás és a jegyzetek V. Windisch Éva munkája). — Budapest, 1980. — S. 295. Трансильванские послы Ференц Бетлен (Ferenc Bethlen) и Андраш Клобушички (Andras Klobusiczky) по дороге в Варшаву из Беча (Biecz) сообщают Жигмонду Ракоци (сыну князя) 11-го октября 1648 г.: Везде в Польше «totus est Rakocianus» (Erdely es az északkeleti háború. Levelek és okiratok (Közzétette: Szilágyi Sándor): T. I. — Budapest, 1990. — S. 11. (Szilágyi: Erdély I.). Они же пишут из Варшавы Жигмонду Ракоци 21-го октября 1648 г.: «Bizonyosan beszéltek ma valami barátok, capellani ducis Visnovecii, hogy az herceg egyetert Razivill herceggel in dando suffragio pro eligendo novo rege s egyedől Nsgodat emlegeti, ...» (какие-то капланы князя Вишневецкого говорили, что князь согласен вместе с князем Радзивиллом дать голос за нового выбираемого короля, и только одного вас, ваша Милость, упоминает) (Szilágyi: Erdély I. 13).

²Kemény János művei. — S. 295–296.

³Ibid. — S. 296.

⁴Lukinich I. I. Rákóczi György és a lengyel királyság. — Budapest, 1907.

⁵Székely oklevéltár. (Szerkesztette: Szádeczky Lajos). — T. VI. — Kolozsvár, 1897. — S. 182.

⁶Erdélyi országgyűlési emlékek. — T. X. (Szerkesztette: Szilágyi Sándor). — Budapest, 1884. — S. 498–499 (дали — ЕОЕ).

⁷ЕОЕ. — S. 499, 500.

⁸Ibid. — S. 494; Переписка князя Жигмонда Ракоци // Történelmi Tár. — Budapest, 1887. — S. 432.

- ⁹ Кордуба М. Боротьба за польский престол по смерти Володислава IV // Жерела до історії України-Руси. — Т. XII.: Матеріали до історії української козаччини. — Львів, 1911. — С. 56; Бутич І. До історії українсько-трансильванських взаємин (1648–1656) // Архіви України. — 1966. — № 3. — С. 63.
- ¹⁰ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Вып. II. — К., 1896. — С. 432.
- ¹¹ Документы Богдана Хмельницкого (1648–1657). — К., 1961. — С. 117–119, 140–145.
- ¹² Документы Богдана Хмельницкого. — С. 117–119; Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. — Т. II. — М., 1953. — С. 67, 78; Rudawski J. Historia Polska od śmierci Władysława IV aż do pokoju Oliwskiego. — Т. I. — Petersburg — Mohylew, 1855. — Р. 40–41.
- ¹³ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. — Т. 1. — Тернополь, 1888. — С. 173.
- ¹⁴ Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький. — К., 1954. — С. 391–392.
- ¹⁵ Kemény János művei. — S. 297–298.
- ¹⁶ Ibid. — S. 298–299.
- ¹⁷ Ibid. — S. 299.
- ¹⁸ Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria. — Т. XXIII. (Szerkesztette: Szilágyi Sándor). — Budapest, 1874. — S. 3 (далі — МННД).
- ¹⁹ Жерела до історії України-Руси. — Т. XII. — С. 56–57.
- ²⁰ Документы Богдана Хмельницкого. — С. 192–193.
- ²¹ Воссоединение Украины с Россией. — Т. II. — С. 108–109.
- ²² Szilágyi: Erdély I. — S. 5.
- ²³ Ibid. — S. 130.
- ²⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. 5, т. 10. — М., 1961. — С. 541; Бранке Н. Богдан Михайлович Хмельницкий. — М., 1877. — С. 25; Голобуцкий В. А. Запорожское козачество. — К., 1957. — С. 177; Его же. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. — К., 1962. — С. 138–139. Требования Хмельницкого и козаков, по варшавским информациям повторяются в мае 1649 г. Из письма трансильванского посла: «Ipse [Хмельницкий] ducatum petit, sztarosztá [legyen] s imiz-amaz rajtok, mint eddég, ne regnáljon, ne parancsoljon senki nekik az királyon kívül, hanem hadd éljenek ők magok szerint privatis juribus, hiszen mikor az szükség kívánja, ők készen lesznek az közönséges haza szolgálatjára» (быть гетманом, иметь староство, таким-секим (= шляхтичам) не господствовать над ними, только королю слушатся, жить своими правами, когда нужно, они, казаки готовы служить родине (В: Szilágyi: Erdély I. — S. 36).
- ²⁵ Голобуцкий В. А. Запорожское козачество. — С. 277; Ochmann-Staniszevska S. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy 1648–1668. Publicystyka — eksorbitancje — projekty — memoriały. — Т. I. 1648–1660. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1989. — Р. 44.
- ²⁶ Письмо гетмана Хмельницкого князю Дьёрдю Ракоци, «1648. november 17/27» (sic!!!). В: Erdély és az északkeleti háború. Levelek és okiratok — Közzétette: Szilágyi Sándor. — Т. I. — Budapest, 1890. — S. 6 (См. док. № 1). Данное письмо датируется у Смолий В. А. — Степанкова В. С.: 7 (17) ноября 1648 г. (Див.: Смолий В. А., Степанков В. С. Богдан Хмельницький. Хроніка життя та діяльності. — К., 1994. — С. 75–76; Їх же. Богдан Хмельницький: Соціально-політичний портрет. — 2-е вид. — К., 1995. — С. 175–176.

- ²⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. — Т. III. — СПб., 1861. — С. 217–218, 223–225, 226–227.
- ²⁸ Жерела до історії України-Руси. — Т. XII. — С. 96–97.
- ²⁹ Kemény János művei. — S. 307; Соловьев С. М. История России. — С. 556.
- ³⁰ Kemény János művei. — S. 307–308 («...emberim [Gergely Mósa, György Rácz], kiket Moldvából Chmelniczi kozák hetmárhoz küldöttem vala, elérkeznek, és vélek az egész kozákságnak köbetjei, egyik az hadak notarius, ki az hetman után elsőbb tekintetbéli és mindenes vala, Joannes Vihovszki, más társával, **az kik aperte invitáltak az királyságra az fejedelmet, avagy öccsét, mivelhogy apjuk megholt volna** (выделено нами. — *Авт.*), kivel illendő tractatusban is indulánk de modalitatibus, bene contentatos elbocsátván őket»).
- ³¹ МННД. — Т. XXIII. — С. 4.
- ³² МННД. — Т. XXIII. — С. 4–5.
- ³³ Herceg Rákóczy Zsigmond levelezése. Levelek és okiratok // Történelmi Tár. — Budapest, 1887. — S. 438 (переписка князя Жигмонда Ракоци, см. документы № 2–3); Chmelniczki Bogdán utasítása a Rákóczy Györgyhoz és Zsigmondhoz küldött követei számára (Инструкция Хмельницкого послам, отправленным к Дьёрдю II Ракоци и Жигмонду от 20-го февраля 1649 г., Переяславль. В: Erdély és az északkeleti háború. Levelek és okiratok — (Közzétette: Szilágyi Sándor): t. I. Budapest, 1890. С. 33–35 (см. документ № 4).

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

17 ноября 1648 г.

Ilme ac Magn. Dne princeps Ungariae, dne dne nobis clementissime etc.

Libentissimo animo atque benevolo legatos missos a Mgn. tua suscepimus, ex quibus optime intelleximus, quod nobis Magn. tua magnam benevolentiam ostendit, plus et ultra grati animi significatione pollicitus es; quoniam antecessores piae memoriae, Stephanus Batory hac etiam de regione, a quo multa privilegia et libertates tenemus huiusque, et tanquam filios suos benevolentia sua quasi alis textit, sic opinio atque persuasio nostra fert, quod futurus nobis dominus ac patronus tutus, quoniam polona gens nimirum omnis atque universa contra nos inimicitiam et iram excitavit, itaque toto animo atque pectore nostro unanimiter *Ilmam Celsnem habere patronum et regem*

Poloniae patriae nostrae cupimus (выделено нами. — Авт.). Ideo Ilma Cels. tua militibus suis quam citissime aggredi iubeat Poloniam, nos quoque cuncti cum toto exercitu nostro atque potentia Ilmam Cels. tuam sequemur et admovebimus, ob meliorem et clariorem sermonem, qui oretenus Cels. tuae fundamentaliter et explicatius narrabunt legati nostri, quos ad Cels. tuam electos de exercitu nostro mittimus. Expostulamur officiosissime, omnibus in sermonibus adhibeatur plena fides iisdem. Deinde sumus Ilmae Cels. tuae amicissimi et ad obsequia omnia paratissimi.

Datum Zamoysciae die 17. Novembris anno 1648.

Ilmae Celsdini tuae

famuli obedientissimi

Bohdan Chmielnicki

hetman woyska zaporoskiego

Адрес (кому): Ilmo ac Cels. principi dno dno Georgio Rakocy dei gratia principi Transylvaniae, partium regni Ungariae dno, Siculorum comiti etc. Dno plurime observandissimo.

№ 2

20 февраля 1649 г.

Serenissime Princeps Dne ac Benefactor colendissime.

Paternalis amor et favor tum per literas, tum per legatos nostros et serenissimarum celsitudinum suarum patefactus invitavit nos, ut a supremo numine petamus et nostras vires intendamus, qua celsitudo sua quam citissime voti sui sit compos. Proptereaque legatos nostros cum legatis serenissimarum celsitudinum suarum cum certo nostri propositi desiderio mittimus, tantum fides ipsis adhibeatur et petitis nostris pareatur, nostrum propositum prout nunc non immutatum, ita in posterum firmatum serenissima celsitudo sua audiet et experietur. Protunc obsequia nostra humillima quam diligentissime serenissimae celsitudinis suae commendamus.

Datum de Pereiaslawia die 20. Februarii anno 1649.

Serenissimae celsitudinis suae dni nostri

humillimus servus

Bohdan Chmielnicky hetman
zwoyskiem zaporoskim Rehajsway (?)
Адрес (кому): Serenissimo principi dno dno et benefactori
nobis plurimum colendissimo Sigismundo Rakoczy reddentur.

№ 3

20 февраля 1649 г.

Serenissime princeps Dne clementissime.

Occasionem non praeterimus, qua possemus ser. celsitudini dno nostro clementissimo protunc literis, inposterum vero facie ad faciem genus flectere. Hoc quoque optando nostros legatos missimus, quibus fides adhibeatur et illorum petitioni satisfiat, humillime petimus. — Nos interim ser. Celsitudini Tuae humillima obsequia nostra commendamus. Datum in Pereasliuiae, die 20. Februarii anno 1649.

Serenissimae Celsitudinis Tuae
humillimus servus
Bohdan Chmielnicky
hetman woyska zaporoskie
Адрес тот же самый.

№ 4

20 февраля 1649 г.

Ilmus campiductor tum ex literis tum ex legatione legatorum suorum, tum et serenissimorum principum Transylvaniae ad illum campiductorem universorum exercituum Zaporoziensium expeditorum satis ardentem voluntatem inflammatumque desiderium fratrem suum promovendi et in nobis dominandi, ac proinde nobis patrociniandi intellexit. Pro quo humillimas quas potest et debet ilmus campiductor cum universis exercitibus Zaporoziensibus agit gratias offertque et modo secundum persuasionem et desiderium sernsimorum principum se cum universis exercitibus Zaporoziensibus necnon Scitarum cohortibus esse paratum propositum suum continuendi (?), retus (sic!)

sersmos principes hoc desiderio et ad finem arsueros in executioneque propositi inflammaturos.

Interim quod ilmus campiductor cum universis exercitibus Zaporoziensibus et Scitarum omnibus cohortibus aliquatenus a proposito recesserat, ne hoc spei reconciliationis imputetur, sed his potissimum rationibus humillime in sersmos principes rogat.

1. Quod legati ilmi campiductoris non cito absoluti et sersmorum principum intempestive expediti sunt.

2. Ferebantur sersmos principes esse Munkacz (Мукачево — Ш. Г.), cumque per tam tempus longum nihil de legatis nostris audiebatur, spes de illis extincta aliquo modo fuit.

3. Spargebantur rumores in districtu Maramarosiensi fati aliquibus nostros legatos periisse.

4. Quod ab illis qui reducebant legatos sersmorum principum et ilmi campiductoris habuit certum et indubitatum ilmus campiductor *piae memoriae sersimum principem Transylvaniae mortuum esse, ac proinde legatio et causa abrupta videbatur* (выделено нами. — Авт.). Ab iisdem habuit nullum exercitum in Transylvania sperare sibi pro auxilio, cum protunc limites sui principatus custodiunt, tanquam sub interregno. Audiebatur etiam eatenus tantum posse sperare auxilium ex Transylvania, in quantum electio impediretur regis electi et cum electio iam non potuit impediri, spes de auxilio extincta fuit.

Nunc vero ilmus campiductor cum universis exercitibus Zaporoziensibus literis sersmorum principum, maxime vero relatione legatorum sersmorum principum sanctissime assecuratus in proposito suo non deficiendo eodem desiderio ardet sersmorum principum domum promoveri et occasionem non praeterit qua possit obsequia sua in notitiam sersmorum principum inducere.

Cumque reconciliationis spes cum rege electo nunc vero et coronato spes in dubio est; quandoquidem magnifici domini legati sersmorum principum firmiter illum campiductorem et universos exercitus Zaporoziensis assecurarunt et omnes exercitus Transylvaniae paratos esse et illum principem Radzivil cum universa Litvania ac omnibus dissidentibus esse bonum amicum ilmi campiductoris ac universorum exercituum Zaporoziensium nec non sersmorum principum et conspirasse unacum sersmis principibus id propositum continu-

endi et praevis tantum unis literis sersmum principem Sigismundum promovere, et contra rempublicam regemque Poloniae insurgere.

Quocirca ilmus campiductor ad executionem rei procedendae hoc potissimum desiderat:

1. Quoniam ilmus campiductor cum universis exercitibus tam Zaproziensibus, quam Scitarum, ductus voluntate sersmorum principum, iterum contra Polonos insurgit, humillime rogat, ut quam citissimorum (sic!) (вместо — citissime serenissimorum) principum Transylvaniae et ilmi principis Radzivil Litvanorumque coniuratio ac dissidentium fideiussio in quibus conspirarent, quod unus alterum ad executionem propositi non deseret, ad se transmittatur, quoniam inposterum de omnibus agetur.

2. Licet ilmus campiductor cum universis exercitibus tam Zaproziensibus quam Scitarum iterum Polonos infestabit, tempus tamen assignari vult, quo ilmus campiductor sersmi principes Transylvaniae et ilmus princeps Radzivil quilibet eorum suo pro interesse insimul et semel cum omnibus suis praesidiis in Poloniam irruant et propositum suum exequantur.

Quam citissime tamen ante omnia literas ad illum principem Radzivil Litvanosque ac dissidentes sersmi principes expediant, in quibus conspirent, ut non Polonis sed nobis in auxilium illi cum suis subsidiis veniant, quia nulla modo concordia erit ad resolutionem celsidinum suarum (выделено нами. — Авт.).

His positis et ad executionem rei adductis conditiones quatuor primas salva christianitate, in toto tanquam sacrosanctas ilmus campiductor suscipit, easdemque ipse cum universis exercitibus suis, non tantum cum officialibus (ut in punctis desideratur) sub honore, fide et conscientia servaturum pollicetur.

Quoad sequentes duas: positis praecedentibus et in executionem rei adductis, ipsae omni periculo sublato solvuntur.

Quoad Scitas: licet illi legatos literasque assecutorias non mittunt firmissimum, tamen et uti ita dicam, indubitatissimum, quod ipsi ad executionem rei illum campiductorem et exercitus Zaprozienses non deserent, quoniam iuramentum invicem intercessit alterutrum servire sibi pro necessitate. Quod spectat ad nuncios, ut saepius

invicem rumores et cointelligentia habeatur, ilmus campiductor cum universis exercitibus suis curabit, ut ipsis liber aditus et reditus fiat.

Adhuc ilmus campiductor cum universis exercitibus Zaporoziensibus hoc unicum rogat, ut legati eius quam citissime expeditionem apud sersmos principes habeant.

Hoc modo faventibus superis et ilmi campiductoris et universorum exercituum Zaporoziensium propositum et sersmorum principum affectatio, felicem effectum quam citissime sorcietur.

Bohdan Chmielnicki

hetman woyska zaporoskiego mр. (Печать)